

Сегодня, — 1995. — 12 мая, — с. 10

Не ветер, вея с высоты

О концерте Елены Образцовой и Важи Чачавы в БЗК, о наших обычаях и привычках

Алексей Парин

Образцова — культовая фигура в мире русского вокала. Не потому, что согласно традиции вокального концерта на нее бросаются с цветами поклонники и поклонницы всех возрастов и сословий, ревниво следя за тем, чтобы ни один номер программы не остался без подношения. Культовость Образцовой как идола состоит в том, что она не меньше одного раза в жизни воздействовала на каждого из ее почитателей как божество или по меньшей мере существо неземное, способное все перевернуть в душе, открыть неизведанное, обрушить в бездну, оторвать от собственного тела и т. д. Благодарный слушатель (а благодарность, как известно, свойство натур благородных) свято хранит это воспоминание как драгоценную часть своей жизни. Даже если в любимом певце сядет энергия, даже если его голос теряет всю полноту власти, поклонник старается «вчитать» в слышимое свой предыдущий опыт. Так происходит во всем мире, поэтому выход Марты Мёдль на сцену венской Штаатсопер или Риты Горр на подмостки Опера Комик в Париже приводит публику в раж: вот они, наши легенды, наши кумиры, живые и невредимые! Однако всему есть границы: последние выступления Марии Каллас, знавшей, что публика стерпит от нее все, что угодно, я лично, будучи сумасшедшим поклонником и даже просто диким фанатом трагической гречанки, слушать и смотреть не в силах: идол не должен превращаться в самопародию.

Образцова дарила мне не раз и не два художественные потрясения, но критику должно отсеивать и отбивать плевелы страсти от зерен аналитики. Хищно вгрызаясь слухом в музыкальную ткань, ищешь уязвимые места и шербины, в которые можно было бы вцепиться похрустче.

Образцова всегда волнуется вначале концерта, и потому в «Ночи» Рубинштейна, которую прозорли-

вый Чачава (а именно он неизменно творец и воплощение программы как концепции) решил предьявить как визитную карточку, «нега» роскошного голоса неодокрылась: певце пока еще было не до себя и не до нас, ею владели страшные бесы сомнения и неуверенности.

Но светлое начало блистательно побеждало. Романсово-салонная программа, требующая холодной головы и несалонного вкуса для превращения в цельный художественный образ, двигалась по строго намеченному пути. Зыбкие видения, обретая законченную форму, застыли у нас на глазах статуями Царскосельского парка, а чуть позже — Люксембургского сада в Париже.

Пройдя через аристократические строгости Глинки и Даргомыжско-

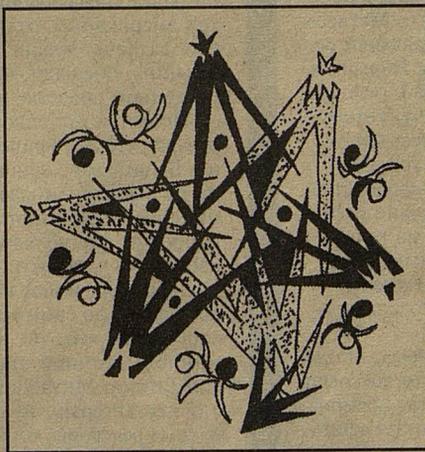
мье «Когда умирает любовь», например, — чуть что не воплощение пошлости, но безупречное голосоведение и удивительное именно в Образцовой, певце весьма «нутряной», отстранение и ироническое пританцовывание как бы над нотами (про Чачаву я вообще не говорю: наш Джеральд Мур сегодня не имеет себе равных в вокальном концертмейстерстве) превратили эту вещь в шедевр, вокально-инструментальную жемчужину редкого достоинства.

Образцова, как всегда, спела еще и отделение бисов, шедро бросая публике свои буклеты — черные розы Де Фальи, сирень и ромашки русских романсов. А в последней песне вдруг послышалась исповедальная интонация. Когда певица с комком в горле (не в смысле вокала, разумеется!) просила не бранить ее за то, что она так любит неизвестного его, нам казалось, что в этих словах — что-то самооценочное по поводу всей нашей грешной и суматошной жизни с ее интригами, ревностью и завистью.

Одним из потрясений, которые подарила мне Образцова, была ее Марфа из «Хованщины». Помню, я ходил неделю как оглушенный: мистическая суть оперы прошла через этот голос, открытый добру и злу, силам потайным преисподней и херувимскому пению. Я не собираюсь вмешиваться в чужие дела и тем более кого-то настаивать, но не могу не грустить заранее, зная, что Марфу в новой постановке Большого театра не споет великая русская певица Елена Образцова, ради которой вообще-то и полагалось бы сегодня ставить эту великую оперу.

Ну да ладно. Образцову почествовали, зачислили в Пушкинскую академию, вручили замечательно написанный адрес от публики по случаю тридцатилетия ее концертной деятельности, она растрогалась до слез — и на следующий день надолго укатила далеко-далеко.

Бранить мы ее не будем, но скажем во всеуслышанье, что вовсе не ветер, вея с высоты, коснулся ветвей лунной ночью, а Елена Образцова и Важа Чачава коснулись в очередной раз наших душ.

РОДИАН ПЕРИЧ

го, через облака Римского и темные чаши Кюи, Образцова и Чачава выдали в конце первого отделения убойный дублет: посверкав и напорхавшись в верхнем регистре сладкого власовского «Бахчисарайского фонтана», они начали с безупречным знанием дела шаманствовать в темной свиридовской «Русской песне», явив протейскую изменчивость и безоглядную преданность сути музыкального образа.

Второе отделение снова запорхало и засверкало, на сей раз крыльшками бабочек Форе и шелками вечерних парижских туалетов. Со времен Шварцкопф, не побоюсь утверждать, не было и нет ни одной певицы, которая бы умела быть в легкомысленном пении столь элегантной и оборотистой, как Образцова. Вообще-то романс Кре-